

УДК / UDC 2 : 314.15 (470)

Миграция в современной России и религиозный фактор*

Т. С. Пронина

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Миграция является одним из ключевых факторов современных социальных процессов. Этнокультурная и религиозная локализация приобретают новую географию. Этим изменениям сопутствуют опасения, вызываемые ростом мусульманской части населения и формированием мусульманских анклавов. Проблема актуальна и для России.

Материалы и методы. Исследование основано на анализе материалов опросов и интервью, проведенных в регионах России в 2016–2020 гг. Результаты опросов отражают рост негативных оценок в отношении россиян к мигрантам. Также используется дискурс-анализ интернет-ресурсов, материалов СМИ, риэлтерская аналитика при анализе географии расселения мигрантов и форм их адаптации.

Результаты исследования. В России миграция определяется общемировыми тенденциями: (1) естественной убылью населения, (2) недостатком рабочей силы, (3) неравномерным экономическим развитием регионов. К этим факторам добавляется участие России в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве. В структуре внешней миграции безусловное первенство принадлежит трудовой миграции. Большинство приезжающих на работу представляют мусульманскую популяцию. Демографические тренды, характерные для данной популяции, позволяют делать прогнозы о значительном росте их присутствия и влиянии в будущем на изменение этнорелигиозного состава населения российских регионов. Ряд исследователей говорят об анклавизации мигрантских сообществ. Высокая религиозность мигрантов мусульман позволяет предположить, что эффективным способом их инкультурации могло бы стать просветительское влияние российского мусульманского духовенства. Неэффективность адаптации и инкультурации ведет к росту межэтнической и межрелигиозной напряженности.

Выводы. Большинство трудовых мигрантов, пребывающих в Россию – мусульмане. Однако интенсивность их религиозности существенно отличается в поколениях. Интервью фиксируют, что приехавшие 15–20 лет назад в Петербург выходцы из Средней Азии менее религиозны, чем приезжающие сегодня к ним молодые родственники, которые очень религиозны. Экспертные интервью с лидерами мусульманских общин и национальных центров говорят о том, что религиозность мигрантов нередко отличается от традиционного для того

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00054 «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен “параллельных” обществ в системе международно-политических отношений».

© Т. С. Пронина, 2020

© Tatyana S. Pronina, 2020

или иного региона России ислама, имеет интенсивный характер, обнаруживает черты избраннычества, приезжие ориентируются на авторитет лидеров, которые были их наставниками дома. Все это осложняет их инкультурацию. Участие в жизни религиозной общины – это привычный формат социализации для мигрантов, часто не знающих развитой сети гражданских и светских институтов. Однако проблема адаптации мигрантов требует комплексного подхода, к которому не всегда готовы религиозные и общественные организации. Влияние мусульманского духовенства, ориентированное на культивирование общероссийской идентичности, могло бы стать эффективным способом адаптации и препятствовать тенденциям добровольной сегрегации мигрантских сообществ. Однако мигранты мусульмане в силу объективных причин – нехватки мечетей и молельных домов, оказываются вне сферы такого влияния.

Ключевые слова: миграция; демографические тренды; ислам; адаптация мигрантов; мусульманские религиозные организации.

Для цитирования: Пронина Т. С. Миграция в современной России и религиозный фактор // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2020. – № 3. – С. 225–240.

Migration in modern Russia and the religious factor*

Tatyana S. Pronina

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. Migration is one of the key factors of modern social processes. Ethnocultural and religious localization get new geography. These changes are accompanied by fears caused by the growth of the Muslim population and the formation of Muslim enclaves. The problem is also relevant for Russia.

Materials and methods. The research is based on the analysis of surveys and interviews conducted in different regions of Russia in 2016–2020. The results of surveys reflect the growth of negative assessments in the attitude of Russians to migrants. We also use discourse analysis of Internet resources (analytical sites, articles), media materials, and real estate analytics of the migrant settlement geography and forms of their adaptation.

Results. In Russia, migration is determined by global trends: (1) natural population decline, (2) lack of labor, (3) uneven economic development of regions. Russia's participation in integration associations in the post-Soviet space is added to the above-mentioned factors. In the structure of external migration, the absolute primacy belongs to labor migration. Most of those who come to work are from the Muslim population. Demographic trends characteristic of this population allow us to make forecasts about a significant increase in their presence and influence on changes in the ethno-

* The research was carried out with the financial support of the RNF in the framework of the research project No. 19-18-00054 “Transformations of global confessional geospatial space: the phenomenon of "parallel" societies in the international political relations system”.

religious composition of the Russian regions population in the future. A number of researchers talk about enclavization of migrant communities. The high religiosity of Muslim migrants suggests that an effective way of their enculturation could be the educational influence of the Russian Muslim clergy. The ineffectiveness of adaptation and enculturation leads to an increase in inter-ethnic and inter-religious tensions.

Conclusions. The majority of migrant workers who come to Russia are Muslims. However, the intensity of their religiosity differs significantly across generations. Interviews show that people from Central Asia who came to St. Petersburg 15–20 years ago are less religious than their young relatives who are very religious. Expert interviews with leaders of Muslim communities and national centers show that the religiosity of migrants often differs from the traditional Islam in a particular Russian regions, has an intense character, reveals features of electability, and migrants are guided by the authority of leaders who were their mentors at home. All this complicates their enculturation. Participation in the life of a religious community is a familiar form for migrants' socialization, who often does not know a developed network of civil and secular institutions. However, the problem of adaptation of migrants requires a comprehensive approach, which is not always ready for religious and public organizations. The influence of the Muslim clergy, focused on the cultivation of an all-Russian identity, could be an effective way to adapt and prevent the trends of voluntary segregation of migrant communities. However, Muslim migrants, due to objective reasons – the lack of mosques and prayer houses, are outside the sphere of such influence.

Key words: migration, demographic trends, Islam, adaptation of migrants, Muslim religious organizations.

For citation: Pronina, T. S. (2020) Migratsiya v sovremennoi Rossii i religiozniy faktor [Migration in modern Russia and the religious factor]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No 3. pp. 225–240. (In Russian).

Введение

Интенсификация транснациональных людских потоков на наших глазах переформатирует мир в мозаику культурных смешений и заимствований, а этнокультурная и религиозная локализация приобретает новую географию. Около 49% мигрантов составляют христиане, 27% – мусульмане¹. Однако наибольшее число проблем и опасений связано с мусульманской миграцией.

Рост мусульманского населения, проблема формирования мусульманских анклавов актуальны и для России: «увеличение численности мусульман само по себе не может быть угрозой стабильности, – пишет известный исламовед А. Малашенко, – оно способно, накладываясь на негативные социально-экономические условия, провоцировать межконфессиональную и межэтническую напряженность» [7, с. 57].

¹ Hackett, Conrad (2017) 5 facts about the Muslim population in Europe. [Электронный ресурс] URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/29/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/> (дата обращения: 01.02.2020).

В России миграция определяется общемировыми тенденциями: естественной убылью населения, недостатком рабочей силы, неравномерным экономическим развитием регионов. К вышеназванным факторам добавляется участие России в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве [11, с. 117]. Как замечает А. Г. Гольцов: «в 1990-е годы наиболее мощный на постсоветском пространстве по своему потенциалу актор – РФ – не проявлял действенной политической воли к тому, чтобы выступить в качестве геополитического центра интеграционного объединения» [4, с. 60–61].

Миграционный поток в Российскую Федерацию увеличился после распада Советского Союза в связи с ухудшением политического и экономического положения в бывших республиках СССР. Основной поток мигрантов дают республики Средней Азии: Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан.

С 1990-х годов до экономического кризиса 2014 года число приезжающих в РФ увеличивалось. Таким образом, за последние двадцать лет Россия стала второй после США страной по количеству мигрантов¹. В динамике последних лет (2017–2019) вновь наблюдается рост миграционного потока в Россию. В 2019 г. в РФ встало на миграционный учет 19,5 млн человек. С целью трудоустройства прибыло около 5,5 млн человек. Эта цифра в действительности может быть в 1,5–2 раза больше. Неизменной на протяжении ряда лет остается доля граждан СНГ среди пребывающих иностранцев – около 85%, из них 40% приезжают из государств Средней Азии. Постоянно на территории находится не менее 9,8 млн иностранных граждан, это около 7% от численности населения (официальные данные МВД за 2019 г.)².

По данным Pew-forum в стране насчитывается 5 840 000 мусульманских мигрантов³, в основном из соседних бывших советских республик Средней Азии. Однако, если учитывать одновременно пребывающих в стране, с учетом и нелегальных трудовых мигрантов, то количество может возрасти до 10 млн. При этом, собственное мусульманское население России – около 20 млн человек. В общей сложности, около 30 млн мусульман в стране пребывают одновременно. Это более 20% населения. Рождаемость и количество молодых

¹ Breen, J. (2013). L'immigration en chiffres. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lecourrierderussie.com/2013/09/immigration-russie-chiffres/> (дата обращения: 10.02.2020).

² Основные показатели по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - декабрь 2019 года. [Электронный ресурс] URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859/> (дата обращения: 12.02.2020).

³ Table: Estimated Number of Immigrants by Religious Affiliation (2012). [Электронный ресурс] URL: <https://www.pewforum.org/2012/03/08/table-estimated-number-of-immigrants-by-religious-affiliation/> (дата обращения: 16.02.2020).

людей, которые вскоре заведут детей, существенно выше в регионах РФ и странах (из которых приезжает наибольшее число мигрантов), традиционно исповедующих ислам. Учитывая названные демографические тренды, можно предполагать, что в будущем произойдут существенные изменения в этнорелигиозном составе российского населения. Это позволяет сделать вывод, что миграция становится не только важнейшим демографическим фактором, но одним из ведущих «игроков» в политических процессах [3; 16].

Обзор литературы

Теме миграции посвящено большое количество как зарубежных, так и отечественных работ. Исследователи уже всесторонне описали различные аспекты трудовой миграции, ее влияние на рынок труда, формирование сетевых мигрантских взаимодействий, модели адаптации и интеграции (J. Vreen, E. Pасе, M. Ambrosini, С. Bonifazi, T. Caponio, И. П. Цапенко, Г. А. Монусова, Н. В. Гоффе, И. Г. Животовская). Особо пристальное внимание привлекают проблема формирования анклавов и феномен параллельных обществ (L. Virt, T. Meyer, M. Micus, F. Walter, Т. З. Протасенко). В российской литературе немало работ, авторы которых анализируют социально-демографические характеристики мигрантов, их взаимоотношения с местным населением (О. А. Смирнова, О. Р. Жерновая, В. Н. Подгусков, Е. М. Арутюнова, А. Р. Мухаметов и др.).

Тема миграции и религии также представлена современными исследованиями. В зарубежной литературе они в основном сосредоточены на проблемах роста мусульманского населения, формирования и сегрегации мусульманских сообществ (T. R. Meshlok, Ch. Kleßmann, M. Micus, F. Walter). В российских исследованиях эта тема она остается пока слабо разработанной.

Материалы и методы

Данное исследование основано на анализе материалов опросов и интервью, проведенных в разных регионах России в 2017–2020 гг. Результаты опросов отражают рост негативных оценок в отношении россиян к мигрантам. Также используется дискурс-анализ интернет-ресурсов (аналитических сайтов, статей) и материалов СМИ, важная информация почерпнута из риэлтерской аналитики географии расселения мигрантов, методов и форм их адаптации.

Результаты исследования

Самая широкомасштабная внешняя миграция в РФ – трудовая. В основном она носит «циркулярный», временный характер. По данным МВД мигранты составляют около 3% занятых в экономике России. Однако по данным общественных экспертов – это не менее 10% [6]. Необходимо отметить, что налоговые отчисления иностранных работников приносят существенный доход государству: за 2018 г. – это 45 млрд руб. По мнению С. Рязанцева и ряда других экспертов, от миграции Россия имеет двойную выгоду: мигранты создают материальные блага, осуществляют необходимые миграционные выплаты, платят налоги в самой России, повышая ее ВВП, и за счет денежных перечислений стабилизируют ситуацию в ближайших к России регионах¹.

Основные центры притяжения внешней миграции в РФ – Центральный и Северо-Западный федеральные округа. Более половины (57%) от всех иностранных граждан, въехавших в РФ с целью трудоустройства, встает на учет в 4 регионах – Москва и Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области. Эти регионы наиболее динамично развивающиеся, с наибольшим привлечением инвестиций, здесь активно ведется строительство различных объектов, много рынков, развитая сфера услуг. Основные отрасли занятости иностранных мигрантов – это строительство (34%), сфера услуг (13%), обрабатывающие производства (10%), сельское хозяйство (7%). По результатам опросов, занятость неофициально работающих мигрантов примерно такая же, как официальная [8, с. 11].

Как показывают исследования, отношение россиян к мигрантам ныне обнаруживает тенденцию к ухудшению. Местные жители нередко склонны винить приезжих в существующих социально-экономических проблемах. Так, по данным опроса, проведенного сотрудниками Центра религиоведческих и этнополитических исследований ЛГУ им. А. С. Пушкина в одном из центральных регионов России в 2016 году, только 20% респондентов считают, что присутствие мигрантов полезно для страны и региона, 26,6% ответили, что их не должно быть в стране, 17,2% высказались, что испытывают к мигрантам неприязнь, 35,9% – ответили, что им все равно². Среди причин неприязненного от-

¹ Рязанцев: денежные переводы мигрантов из РФ сокращают бедность на их родине. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/radio/20181115/1027429016/denezhnyerevody-migranty-russia-sokraschayut-bednost.html> (дата обращения: 10.02.2020).

² Объем выборочной совокупности составил 1 582 респондента. Место проведения: 14 населенных пунктов Тамбовской области, Время проведения: октябрь–ноябрь 2016 г. Метод исследования – анкетный опрос. 2/3 опрошенных – городские жители, 38,5% мужчин и 61,5% женщин. При обработке данных использовался пакет программного обеспечения Portable IBM SPSS Statistic sv19.

ношения были названы следующие: наглое и агрессивное поведение – 64,1%, пренебрежения местными традициями и нормами поведения – 39,3%, криминальная деятельность – 35,3%, нарушения общественного порядка – 32,5%, представляют опасность – 21%, занимают наши рабочие места – 19,4%.

Респондентам был также задан вопрос: «Какие действия должны предпринимать власти по отношению к мигрантам?» Большинство высказались в пользу ограничительных мер: 60% респондентов ответили, что следует ограничить приток мигрантов и жестко контролировать незаконную миграцию, 14% считают, что следует ограничить для мигрантов виды допустимых работ и размер оплаты труда, только 7% высказались, что следует облегчить правовые нормы въезда и проживания.

Таким образом, в отношении россиян к мигрантам преобладают негативные настроения. Это подтверждает и руководитель сектора социально-культурных изменений Социологического института РАН (СПб) Олег Божков: «Если раньше, году, скажем, в 2005, к приезжим из республик Средней Азии, Кавказа, Молдовы петербуржцы относились вполне доброжелательно, то теперь отношения эти впору назвать нетерпимыми»¹.

По результатам мониторингового исследования, проведенного социологическим центром «Мегаполис» в 2014 г. посредством телефонного опроса 1 000 взрослых петербуржцев, 46,4% ответили, что приезжающие в город на временную работу граждане из бывших союзных республик и Северного Кавказа создают проблемы. На вопрос: «А чем конкретно они Вам мешают, какие проблемы создают?», – петербуржцы назвали целый ряд причин, среди которых основные: «их стало очень много» – 47,6%, «ведут как у себя дома» – 25,2%, «плохо ведут себя в общественных местах» – 17%, «занимают наши рабочие места» – 13,8%, «не хотят жить по нашим законам, традициям» – 12,7%, «не хотят говорить по-русски, общаются только на своем языке» – 12,3%, «среди них много преступников» – 9,3% и др. На вопрос: «Кто виноват в возникающих проблемах?», респонденты ответили: «миграционные службы» – 25%, «сами иностранные рабочие» – 22%, «приглашающие фирмы» – 19,8% [10, с. 36].

Адаптация и интеграция мигрантов, прибывающих в Россию, как и в других странах, это сложная проблема. Но в России она имеет свои особенности. Поскольку основной миграционный поток носит циркулярный характер, то большая часть мигрантов вообще не ориентирована на интеграцию. Для них

¹ «Юбилейный» мигрант. 5-миллионным жителем Петербурга может стать ребенок, родившийся в семье приезжих (2012). [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/society/article/58906/> (дата обращения: 10.02.2020).

приемлемый вариант – это уровень адаптации, позволяющий выжить в стране и заработать денежные средства: минимальное знание русского языка, достаточное для общения в быту – часто это буквально несколько фраз. Как констатировали представители Фонда помощи трудовым мигрантам в Петербурге:

«попытка ... организовать бесплатные курсы русского языка для выходцев из Узбекистана потерпела фиаско: на занятия почти никто не пришел. Опросы показали: лишь небольшая часть мигрантов хочет, но не может ходить на такие курсы – времени не хватает. Остальные честно признались: русский язык им не нужен»¹.

По словам наших респондентов – мигрантов, важно иметь представления о процедурах и документах необходимых для оформления, желательно иметь знакомых, которые помогут в первое время найти жилье и работу. О какой-либо культурной интеграции нет речи. Нередко мигранты отрицательно воспринимают многие нормы и традиции страны прибытия. Социологи усматривают причину этого в высокой степени анклавизации, когда у приезжих нет повода и потребности общаться с местным населением. По словам Т. З. Протасенко: «Мигранты живут в Петербурге в анклавах: селятся – со своими, общаются – со своими. Они почти не коммуницируют с внешним миром»².

Есть ли в России этнорелигиозные анклавы? Мнения экспертов на этот счет расходятся. Как правило, представители официальных государственных органов считают, что таковых нет. Это мнение разделяет и ряд исследователей, например, руководитель лаборатории социологии образования Петербургского филиала НИУ ВШЭ профессор Даниил Александров.

Действительно, если иметь в виду анклавы, подобные тем, какие сформировались на окраинах или в пригородах крупных городов Франции, Германии, Бельгии, то таких в России пока нет. Сторонники подобной точки зрения называют разные причины этого. Однако нам представляется, что единственная значимая среди них – невысокий масштаб *иммиграции* [15]. Трудовая же миграция носит временный характер – по статистике лишь около 20% приезжающих хотят остаться в России. Представителей второго поколения иммигрантов, которые родились уже в стране прибытия, также немного.

¹ Мигрантам в Петербурге русский язык не нужен, и интегрироваться они не хотят. [Электронный ресурс]. URL: <https://mr-7.ru/articles/82329/> (дата обращения: 15.02.2020).

² В каких районах Петербурга селятся мигранты. [Электронный ресурс]. URL: <https://online812.ru/2012/11/22/001/> (дата обращения: 10.02.2020).

Однако ряд исследователей считают, что анклавов в российских городах уже существуют. Так считает Т. З. Протасенко, научный руководитель социологического центра «Мегаполис», Санкт-Петербург: «Сегодня критическая масса приезжих в Петербурге уже достигла такого уровня, что они могут создать собственный город-миллионник. Есть подъезды, дома, даже кварталы, где они живут. И это может быть очень опасным, потому что анклавов – не цивилизованные, а стихийные. А у нас нет точного понимания, кто где живет»¹. По ее словам, петербуржцев сегодня все больше раздражают иногородние. Во многом раздражение связано с тем, что приезжие живут обособленно, по собственным, неясным для нас законам и правилам. Горожане боятся таких «анклавов», считая, что не могут чувствовать себя в них или рядом с ними безопасно.

По словам директора Института демографических исследований Игоря Белобородова в комментарии «Комсомольской правде»:

«анклавов уже наметились. И если так пойдет и дальше, то лет через десять такие районы окончательно оформятся и заживут своей жизнью. Эти территории станут неуправляемыми извне, и их население будет расти. Как следствие, они начнут изменять Москву: столичный культурный фон, уклад жизни и традиции. Это обычная практика для городов, где доля мигрантов превышает 10–12 процентов, а в Москве уже сегодня мигрантов более 20 процентов»².

Несомненно, предпосылки для формирования «параллельных обществ»³ в российских городах уже есть. Во-первых, длительное пребывание на территории России – около 6 месяцев и более – значительного числа мигрантов. После отъезда их сменяют новые работники, которые часто селятся в том же месте. Во-вторых, трудовые мигранты часто селятся компактно вблизи рабочих мест, или в районе, где есть дешевое жилье – заселяются по несколько человек в комнату – в итоге их сосредоточение в одном месте может быть значительным.

Сегодня первенство в аналитике расселения мигрантов принадлежит не исследователям, а риэлторам – это и понятно – их клиенты хотят знать, в каком социальном окружении им придется жить. Определенную информацию также аккумулируют журналисты.

¹ В каких районах Петербурга селятся мигранты. [Электронный ресурс]. URL: <https://online812.ru/2012/11/22/001/> (дата обращения: 10.02.2020).

² Образованием этнических анклавов наиболее обеспокоены в Москве (2017). [Электронный ресурс]. URL: <https://posredi.ru/etnicheskie-anklavy-v-gorodax-i-syolax-rossii.html> (дата обращения: 10.02.2020).

³ Термин «параллельные общества» также отражает процесс анклализации, но имеет ряд дополнительных коннотаций. Введен в социогуманитарный дискурс Т. Майером [17], также см.: [7].

В Москве районы компактного проживания мигрантов – это Западное Бирюлево, Старое Марьино с устаревшим жилищным фондом и близостью промзоны, что удешевляет цены на аренду жилья, Люблино (близость крупнейшего вещевого рынка «Садовод», низкие цены на аренду жилья, которое построено на месте бывших очистных сооружений), Солнцево (гигантский оптовый продуктовый рынок Фуд-сити, близость нескольких кладбищ как мест работы), Гальяново (невысокие цены на жилье из-за плохой экологии от общирной промзоны Калозино и слабого охвата метро, наличие множества плодоовощных и продуктовых баз как мест работы), Метрогородок (низкие цены на устаревшее малогабаритное жилье), Капотня (вещевой рынок «Садовод», близость нефтеперегонного завода и ТЭЦ, плохое обеспечение транспортом, одни из самых низких цен на жилье, большое число общежитий). Однако, как, например, справедливо заметил старший научный сотрудник Института социологии РАН Игорь Кузнецов: «Они выбрали Капотню не потому, что решили создавать анклав, а потому что им там жить дешевле»¹.

Похожая ситуация и в Петербурге – здесь мигранты также селятся в расселенных домах, за проживание в которых они платят по несколько тысяч за койко-место, в районах с низкой платой за аренду жилья, вблизи мест работы: Пулково – в районе строительства новых объектов, район рынка Апраксин двор и Сенного рынка, овощебазы на Софийской улице, в расселенных домах на Уткином проспекте, в аварийных домах и заброшенных заводах по Обводному каналу, в посёлках Бугры, Колтуши, Фёдоровское, Сертолово, Горбунки.

Есть такие районы уже и в других городах: в Нижнем Новгороде – квартал ветхого жилого фонда в районе Московского вокзала; в Самаре – дома дореволюционной застройки в Самарском районе города, дома частного сектора в Куйбышевском районе города, в пос. Зубчаниновка Кировского района города, в районе застройки частного сектора в Куйбышевском районе; в Уфе – в зонах частного сектора в Октябрьском и Дёмском районах города; в Оренбурге подобный этнический анклав функционирует в микрорайоне «Бёрды»².

При отсутствии или недостатке механизмов адаптации происходит сегрегация таких сообществ от основного общества. С подобными трудностями уже давно столкнулись европейские страны:

«группы мигрантов сильнее обособляются от общественной жизни, предпочитая внутри государства изоляцию с собственными культурно-религиозными нормами жизни, являющимися альтернативой действующему на территории страны законодательству» [12, с. 164].

¹ Окраины Москвы превращаются в этнические анклавы? (2013). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/26146/3035484/> (дата обращения: 10.02.2020).

² Петров В. Этнические анклавы в городах и селах Урало-Поволжья. (2017). [Электронный ресурс]. URL: <https://posredi.ru/etnicheskie-anklavy-v-gorodax-i-syolax-rossii.html> (дата обращения: 10.02.2020).

Увеличивается количество мигрантов и в российском селе. Например, в Астраханской, Волгоградской областях мигранты составляют существенную долю в сельскохозяйственной деятельности, связанной с сезонными работами по уборке бахчевых культур и овощей. Данная ситуация оценивается полярно: от «запретить, это приведет к конфликтам», до «они спасут умирающую русскую деревню». «В условиях депопуляции и старения населения в сёлах, – считает Е. М. Арутюнова, – временные трудовые мигранты из Средней Азии становятся конкурентоспособной рабочей силой. Эксперты признают, что обойтись без мигрантов село не может» [1, с. 55]. По мнению П. П. Великого, основной прирост численности сельского населения России обеспечивают мигранты – граждане стран СНГ [2].

Выводы

Большинство трудовых мигрантов, пребывающих в Россию – мусульмане. Однако интенсивность их религиозности существенно отличается в поколениях. В наших интервью мы часто фиксируем, что приехавшие 15–20 лет назад в Петербург выходцы из Средней Азии менее религиозны, чем приезжающие сегодня к ним молодые родственники, которые очень религиозны. Под влиянием последних и старшие родственники становятся более религиозными. Экспертные интервью с лидерами мусульманских общин, национальных центров говорят о том, что религиозность мигрантов нередко отличается от традиционного для того или иного региона России ислама, имеет интенсивный характер, обнаруживает черты избранничества, приезжие ориентируются на авторитет лидеров, которые были их наставниками дома. Все это осложняет их инкультурацию.

Наблюдается и такая тенденция: в некоторых регионах имамы, получившие религиозное образование за рубежом в 1990–2000-е годы, легче выстраивают общение с мигрантами. В результате, происходит вытеснение из общины аутентичных членов, размежевание общин по этническому признаку.

«Коренное мусульманское население России, – высказывает свой прогноз Абдулла Ринат Мухаметов, кандидат политических наук, – само станет меньшинством на своей территории по отношению к среднеазиатскому большинству (вчерашним мигрантам). Это долгосрочный тренд, изменить который очень сложно»¹.

¹ Мухаметов, А. Р. Количество в качество. Мусульмане России перед вызовами демографии и миграции. [Muhametov, A. R. (2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ansar.ru/analytics/kolichestvo-v-kachestvo-musulmane-rossii-pered-vyzovami-demografii-i-migracii> (дата обращения: 15.02.2020).

Важно и то, что мигранты часто приезжают из регионов, где ослаблены или неразвиты светские общественные институты и сильна роль религиозного лидера в решении всех вопросов. Все наши информанты из числа трудовых мигрантов в ходе интервью отмечали, что сейчас роль религии в их родных городах и селах очень высока. Во всех населенных пунктах действуют мечети. По признанию наших респондентов, сегодня непосещение мечети в пятницу, неучастие в праздничных ритуалах уже осуждается обществом.

Участие в жизни религиозной общины – это привычный формат социализации для мигрантов, часто не знающих развитой сети гражданских и светских институтов. Подобная ситуация имеет место в Германии – стране, которая первой начала заниматься проблемой гастарбайтеров, осевших в стране, а не уехавших, как ожидалось. Аналитики Маттиас Микус и Франц Вальтер отмечают, что не было уделено должного внимания тому обстоятельству, что светские общественные организации – это непривычный формат консолидации для иммигрантов мусульман [14].

В России, на первый взгляд, ситуация обстоит лучше. Есть советы по взаимодействию с религиозными организациями, централизованные религиозные организации, общественные национальные сообщества, которые могут координировать усилия по адаптации мигрантов. Духовные управления мусульман и совет муфтиев активно взаимодействуют с различными государственными структурами. Однако проблема адаптации мигрантов требует комплексного подхода, к которому не всегда готовы религиозные и общественные организации по ряду причин.

Деятельностью общественных, государственных структур охвачено очень малое число мигрантов. Об общественных национальных организация мигранты чаще всего и не слышали. А вот в мечетях и молельных комнатах бывают многие из них. Однако здесь пока можно говорить о большом потенциале, но не о значительных реальных достижениях. В наших интервью мы не получали ответы, что в мечети помогли с оформлением документов, поиском работы, с учебой, устройством детей в детский сад, школу, одеждой, оказали психологическую помощь специально подготовленные люди.

Работа с мигрантами, конечно, ведется, но ограничивается проведением собраний с приглашением сотрудников Федеральной миграционной службы, Министерства внутренних дел, которые разъясняют, как оформить регистрацию и патент, предупреждают о недопустимости правонарушений и др. В проповедях имамы говорят о необходимости соблюдения российских законов, уважительного отношения к местным жителям и представителям всех национальностей и религий.

В одной из наших бесед руководящим лицом из духовного управления мусульман Северо-Запада было сообщено, что духовенство готово оказать духовную поддержку, а остальные свои вопросы мигранты должны решать сами. Такого же мнения придерживаются и некоторые светские эксперты.

Лидеры общественных организаций, занимающиеся адаптацией мигрантов, признаются, что взаимодействие с духовенством происходит неэффективно. Как пишет А. Р. Мухаметов:

«Так, эффективных работающих институтов интеграции мигрантов из Средней Азии в общемусульманское пространство РФ практически нет. Не случайно власти и общество постоянно призывают муфтияты обратить внимание на эту проблему»¹.

Неэффективность религиозных организаций в адаптации мигрантов связана, в том числе, с объективными причинами. Прежде всего, их количество и возможности не соответствуют масштабам миграции. В Москве 4 крупных мечети и большое количество молельных домов. По данным общественных организаций в Санкт-Петербурге может находиться около 1 млн мигрантов². При этом действуют две мечети и около десяти молельных домов (точное число молельных помещений установить затруднительно): Соборная мечеть (вместимость 5 тыс.), Мемориальная мечеть им. муфтия Жафяра-хазрат Пончаева (вместимость 1 тыс.), средняя вместимость молельных комнат – возьмем максимальный показатель – 50 человек. Всего получается 6,5 тысяч. Для сравнения: в четырехмиллионном Берлине – 98 мечетей.

Надо сказать, что рост числа мечетей в постсоветский период в РФ имел небывалый характер. Сегодня, по словам председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина, их более 7 тысяч³. Однако основная их часть сосредоточена в регионах с местным мусульманским населением. Получается, что именно мусульмане-мигранты, большинство которых сосредоточено в нескольких крупных российских городах ЦФО и СЗФО, оказываются вне сферы влияния представителей российского мусульманского духовенства.

Внешняя миграция позволяет России восполнять естественную убыль населения во многих регионах и обеспечивать экономику необходимыми трудовыми ресурсами. В структуре внешней миграции безусловное первенство принадлежит трудовой миграции. Большинство приезжающих на работу пред-

¹ Мухаметов, А. Р. Указ. соч.

² В каких районах Петербурга селятся мигранты (2012). [Электронный ресурс]. URL: <https://online812.ru/2012/11/22/001/> (дата обращения: 10.02.2020).

³ Совет муфтиев России: число мечетей в РФ превысило 7 тысяч – это беспрецедентный рост (2014). [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20141117/1033687343.html> (дата обращения: 10.02.2020).

ставляют мусульманскую популяцию. Демографические тренды, характерные для данной популяции, позволяют делать прогнозы о значительном росте их присутствия и влиянии в будущем на изменения этнорелигиозного состава населения российских регионов и населенных пунктов. Все это указывает на важность вопросов адаптации и интеркультурации мигрантов.

Представляется, что в силу их социокультурных особенностей одним из наиболее эффективных способов инкультурации могло бы стать просветительское влияние российского мусульманского духовенства. Однако мигранты мусульмане в силу объективных причин – нехватки мечетей, молельных домов, оказываются вне сферы такого влияния. Тогда как просветительское влияние духовенства, ориентированное на культивирование общероссийской идентичности могло бы стать эффективным способом адаптации и препятствовать тенденциям добровольной сегрегации мигрантских сообществ.

Список литературы

1. Арутюнова Е. М. Адаптация временных трудовых мигрантов из Средней Азии на сельском Юге России // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 1 (5). – С. 51–70.
2. Великий П. П. Мигранты из стран юго-восточных регионов в российском селе // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2016. – Т. 8. – № 2. – Ч. 1. – С. 76–86.
3. Вишневский А. Г. Время демографических перемен: избр. ст. – М.: Высшая школа экономики, 2015. – 517 с.
4. Гольцов А. Г. Трансформации геополитического порядка на постсоветском пространстве // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2016. – № 1 (80). – С. 54–72.
5. Денисенко М., Козлов В., Фаттахова А. Современные тенденции денежных переводов мигрантов в России и в мире // Демографическое обозрение. – 2015. – Т. 2. – № 3. – С. 5–29.
6. Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 год. – М., 2016. – 98 с.
7. Малашенко А. Демография ислама // Россия и мусульманский мир. – 2006. – № 9. – С. 47–57.
8. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения / Е. Б. Деминцева, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская. – М.: Высшая школа экономики, 2018. – 55 с.
9. Пронина Т. С. Многонациональность «против» мультикультурности: сегрегация этнорелигиозных общин // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2019. – № 3. – С. 146–157.
10. Протасенко Т. Петербуржцы и иногородние жители Петербурга: поиск путей бесконфликтного совместного проживания // Телескоп. – 2014. – № 5 (107). – С. 34–38.
11. Смирнова О. А., Жерновая О. Р., Подгусков В. Н. Миграционная ситуация в России, эволюция и тенденции в долгосрочной перспективе // Власть. – 2016. – № 12. – С. 114–121.
12. Талалаева Е. Ю. Специфика феномена конфессионального «параллельного общества» в странах Северной Европы // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2019. – № 3. – С. 158–168.

13. Meyer T. (2002) Parallelgesellschaft und Demokratie. In: *Der Demokratische Nationalstaat in den Zeiten der Globalisierung: Politische Leitideen Für Das 21. Jahrhundert* festschrift Zum 80 / Clemens Stepina, Marcus Llanque & Herfried Münkler (eds.), geburtstag von Iring Fetscher. Akademie Verlag, pp. 193–230.

14. Micus M., Walter F. (2006). Mangelt es an „Parallelgesellschaften“? In *Zuwanderung und Integration*. Heft 4, pp. 215–221.

15. Smirnov, M. (2019). Religious minorities in the Russian context: Theoretical interpretation. In: *Quaderni di diritto e politica ecclesiastica, Rivista trimestrale*. No. 2, pp. 461–468.

16. Van de Kaa, D. J. (1996). Anchored narratives: The Story and Findings of half a century of research into determinants of fertility. *Population Studies*. Vol. 50. No. 3. pp. 389–432.

References

1. Arutyunova, E. M. (2014). Adaptatsiya vremennykh trudovykh migrantov iz Srednej Azii na sel'skom Juge Rossii [Adaptation of temporary labor migrants from Central Asia in the rural South of Russia]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice]. No. 1 (5). pp. 51–70. (In Russian).

2. Velikij, P. P. (2016). Migranty iz stran yugo-vostochnykh regionov v rossijskom sele [Migrants from South-Eastern regions in Russian rural areas] *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mys'* [Historical and social and educational thought]. Vol. 8. No. 2. Part 1. pp. 76–86. (In Russian).

3. Vishnevskij, A. G. (2015). *Vremja demograficheskikh peremen: izbr. st.* [Time of demographic change: selected articles]. Moskva: Vyschaya shkola ekonomiki, 517 p. (In Russian).

4. Gol'tsov, A. G. (2016). Transformatsii geopoliticheskogo poryadka na postsovet'skom prostranstve [Transformations of the geopolitical order in the post-Soviet space]. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)* [Polity: An Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of political philosophy and sociology of politics)]. No. 1 (80). pp. 54–72. (In Russian).

5. Denisenko, M., Kozlov, V., Fattahova, A. (2015). Sovremennye tendentsii denezhnykh perevodov migrantov v Rossi i v mire [Current trends in migrant remittances in Russia and in the world]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview]. No. 2 (3). pp. 5–29]. (In Russian).

6. Ito gov'nyj doklad o migratsionnoj situatsii, rezul'tatah i osnovnykh napravleniyah deyatel'nosti Federal'noj migracionnoj sluzhby za 2015 god (2016) [Final report on the migration situation, results and main activities of the Federal migration service for 2015]. Moskva: FMS, 98 p. (In Russian).

7. Malashenko, A. (2006). Demografiya islama [Demographics of Islam]. *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim world]. No 9. pp. 47–57. (In Russian).

8. Migratsionnaja politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya (2018) [Migration policy: diagnostics, challenges, proposals]. Moskva: Vyschaya shkola ekonomiki, 55 p. (In Russian).

9. Pronina, T. S. (2019). Mnogonatsional'nost' "protiv" mul'tikul'turnosti: segregatsiya etnoreligioznykh obshchin [Multinationality versus multiculturalism: segregation of ethno-religious communities]. *Vestnik Leningrad'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. pp. 146–157. (In Russian).

10. Protasenko, T. (2014). Peterburzhtsy i inogorodnie zhiteli Peterburga: poisk putej beskonfliktnogo sovместnogo prozhivaniya [Petersburgers and nonresident residents of St. Petersburg: finding ways to live together without conflict]. *Teleskop* [Telescop]. No. 5 (107). pp. 34–38. (In Russian).

11. Smirnova, O. A., Zhernovaja, O. R., Podguskov, V. N. (2016). Migratsionnaya situatsiya v Rossii, evoljutsiya i tendentsii v dolgosrochnoj perspective [Migration situation in Russia, evolution and trends in the long term]. *Vlast'* [Power]. No. 12. pp. 114–121]. (In Russian).
12. Talalaeva, E. Yu. (2019). Specifika fenomena konfessional'nogo «parallel'nogo obshchestva» v stranah Severnoj Evropy [The Nordic Countries specificity of the confessional “parallel society” phenomenon]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. pp. 158–168. (In Russian).
13. Meyer T. (2002). Parallelgesellschaft und Demokratie. In: *Der Demokratische Nationalstaat in den Zeiten der Globalisierung: Politische Leitideen Für Das 21. Jahrhundert* *festschrift Zum 80 / Clemens Stepina, Marcus Llanque & Herfried Münkler (eds.), geburtstag von Iring Fetscher.* Berlin: Akademie Verlag, pp. 193–230.
14. Micus M., Walter F. (2006). Mangelt es an „Parallelgesellschaften“? *Zuwanderung und Integration.* Heft 4, pp. 215–221.
15. Smirnov, M. (2019). Religious minorities in the Russian context: Theoretical interpretation. In: *Quaderni di diritto e politica ecclesiastica, Rivista trimestrale.* No. 2, pp. 461–468.
16. Van de Kaa, D. J. (1996). Anchored narratives: The Story and Findings of half a century of research into determinants of fertility. *Population Studies.* Vol. 50. No. 3. pp. 389–432.

Об авторе

Пронина Татьяна Сергеевна, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Центр религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-8902-9154, e-mail: tania_pronina@mail.ru

About the author

Tatyana S. Pronina, Dr. Sci. (Philos.), Senior Researcher, Center for religious and ethno-political studies, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-8902-9154, e-mail: tania_pronina@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.07.2020

Received: 10 July 2020

Принята к публикации: 24.08.2020

Accepted: 24 August 2020

Опубликована: 14.09.2020

Published: 14 September 2020